

XVI. 3. 1

В. Н. 21.

№ 1. 4. 22. 135

ПАМЯТИ

МИХАИЛА ЮСИФОВИЧА КОЯЛОВИЧА

(23-го августа 1891 г.)

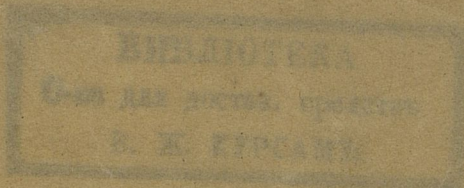
Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Славянскаго Благотворительнаго Общества 1-го декабря 1891 года
проф. И. С. ПАЛЬМОВЫМЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. В. Комарова, Невскій просп., № 136—138

1891.

INTERNAL

MAXIMUM SECURITY

CONFIDENTIAL

PROPERTY OF THE BUREAU OF INVESTIGATION
U. S. DEPARTMENT OF JUSTICE
DO NOT WRITE IN THESE SPACES

PROPERTY OF THE BUREAU OF INVESTIGATION
U. S. DEPARTMENT OF JUSTICE
DO NOT WRITE IN THESE SPACES

II-37086p.

Резерв

ПАМЯТИ

Михаила Иосифовича Кояловича.

(† 23-го августа 1891 года).

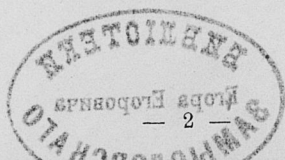
23-го августа текущего года скончался почетный членъ С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества, заслуженный ординарный профессоръ С.-Петербургской духовной академіи Михаилъ Иосифовичъ Кояловичъ, бывшій профессоромъ академіи свыше 35 лѣтъ и состоявшій членомъ Славянскаго Общества непрерывно едва не цѣлыхъ 25 лѣтъ (съ 23-го мая 1868 г.). Слѣд. почти четверть столѣтія имя и дѣятельность Михаила Иосифовича связаны съ жизнію нашего Общества, связаны почти съ зарожде-ніемъ этого Общества въ С.-Петербургѣ сперва (съ 1867 до 1877 г.) въ качествѣ Отдѣла Московскаго Славянскаго Благотворительнаго Комитета, а потомъ съ 1877 года—самостоятельнаго Славянскаго Общества. И за это время покойный Михаилъ Иосифовичъ былъ не только членомъ, всегда искренно сочувствовавшимъ цѣлямъ и задачамъ нашего Обще-

ства, произнесенная проф. И. С. Пальмовымъ въ торжественномъ общемъ собраніи Славянскаго Благотворительнаго Общества 1 декабря 1891 года.

1

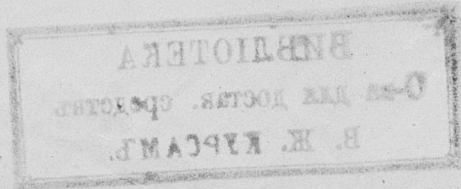

192/97

ства,—не только участвовалъ въ его дѣятельности своими обычными денежными взносами и пр., но и горячо содѣйствовалъ выполнению высокиихъ его цѣлей братской помощи и культурнаго нашего взаимобращенія съ заграничнымъ Славянствомъ. Поэтому, когда въ прошлогоднемъ ноябрьскомъ торжественномъ собраніи Славянскаго Общества (25 ноября 1890 г.) предсѣдатель нашъ гр. Николай Павловичъ Игнатьевъ, отъ имени Совѣта Общества, предложилъ общему собранію Михаила Іосифовича вмѣстѣ съ другимъ «достойнѣйшимъ нашимъ сочленомъ А. Ѳ. Бычковымъ» въ почетные члены, какъ «неустанно служившихъ славянскому дѣлу съ самаго основанія Общества», «трудившихся въ Совѣтѣ Общества и его издательской комиссіи» (а о Михаилѣ Іосифовичѣ кромѣ того было сказано, что онъ «дарилъ насъ въ общихъ собраніяхъ своими всѣмъ памятными, прекрасными чтеніями») ¹⁾, «то предложеніе это встрѣ-

¹⁾ См. протоколъ общаго торжественнаго собранія Славянскаго Общества 25 ноября 1890 г. въ «Слав. Извѣстіяхъ» 1891, № 12, стр. 204. Упомянувъ о «чтеніяхъ» М. I—ча въ Слав. Обществѣ, предсѣдатель разумѣлъ главнымъ образомъ слѣдующія его сообщенія и рѣчи, произнесенныя въ общихъ собраніяхъ членовъ Славянскаго Общества: 1) Разборъ соч. Ѳ. М. Уманца «Вырожденіе Польши» (14 февр. 1872 г.); 2) «Эпизодъ изъ исторіи западно-русской церковной уніи начала нынѣшняго столѣтія» (11 мая 1874 г.); 3) «По поводу кончины Ю. Ѳ. Самарина» (28 марта 1876 г.); 4) «Въ память въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра II» (22 марта 1881 г.); 5) «Историческая живучесть русскаго народа и ея культурныя особенности» (23 января 1883 г.); 6) «О положеніи русскихъ Галичанъ» (23 апрѣля 1883 г.). Всѣ эти сообщенія и рѣчи напечатаны между прочимъ въ сборникѣ

чено было долго несмолкаемыми рукоплесканиями». И такъ, годъ тому назадъ мы съ радостію и полнымъ единодушіемъ привѣтствовали своего почетнаго члена Михаила Іосифовича, котораго теперь—увы!—нѣтъ уже въ живыхъ. Если наше Общество съ благодарностію принимаетъ всякій посильный трудъ и нравственное участіе въ исполненіи своей задачи отъ каждаго изъ своихъ членовъ, то оно конечно съ болѣею признательностію имѣетъ право и обязано относиться къ дѣятельности тѣхъ своихъ членовъ, которые «неустанно служили» его цѣлямъ, съ мужествомъ выступали на защиту славянскаго знамени, кирил-

«Первыя 15 лѣтъ существованія С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества съ 1868—83 гг.» Спб. 1883 г. (стр. 197—200—270—1; 371—8; 669—71; 746—55; 774—7), нѣкоторыя же (какъ напр. 3, 5 и 6) отдѣльными брошюрами. 7) «Объ аппелляціи къ папѣ галицкаго униатскаго священника Іоанна Наумовича, отлученнаго отъ церкви по обвиненію въ схизмѣ, и о значеніи этого памятника съ русской и общеславянской точки зрѣнія» (17 ноября 1883 г.; напеч. въ «Извѣстіяхъ С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества», 1883 года. № 3, декабрь); 8) «О Грюнвальденской битвѣ 1410 года» (14 февраля 1885 г.; тамъ же, № 3); 9) «Нѣсколько данныхъ изъ литературной исторіи Паннонскихъ житій св. Кирилла и Меодія и церковно-славянской грамоты» (7 апрѣля 1885 г.; тамъ же, 1885 г. № 4, апрѣль); 10) «Историческое разъясненіе вопроса: что дѣлать теперь нашему Славянскому Благотворительному Обществу» (6 апрѣля 1887 г.; тамъ же, 1887 г., № 5—6, май—іюнь); «Рѣчь, посланная въ Кіевъ по случаю празднованія въ 1888 году 900-лѣтія со времени крещенія Руси» (тамъ же 1888 г., № 6—7, іюнь—іюль), 12) «Пятидесятилѣтіе воссоединенія униатовъ въ 1839 году и историческое значеніе этого событія» (11 мая 1889 г., напеч. въ «Слав. Извѣстіяхъ» 1889 г., № 22) и нѣкоторыя другія.

ло-меоодіевскихъ преданій и завѣтовъ нашихъ славныхъ учителей-предшественниковъ, горячихъ и вдохновенныхъ поборниковъ кирилло-меоодіевской идеи. Поэтому, да позволено будетъ мнѣ сказать въ этомъ собраніи нѣсколько словъ о дѣятельности одного изъ такихъ безкорыстныхъ борцовъ за славянскую идею — о дѣятельности незабвеннаго Михаила Іосифовича. Я коснусь только той стороны его дѣятельности, которая имѣла непосредственное отношеніе къ жизни Славянскаго Общества, хотя — нужно замѣтить — всѣ стороны его жизнедѣятельности такъ тѣсно связаны одна съ другой, что почти невозможно ихъ отдѣлять, или разсматривать ихъ внѣ связи съ общимъ ходомъ развитія его направленія. Поэтому приходится въ данномъ случаѣ коснуться и такихъ сторонъ, которыя уже были затронуты въ различныхъ некрологахъ его послѣ кончины ²⁾, но которыя, конечно, ждуть еще въ будущемъ свое-

---

²⁾ См. напр. некрологъ въ «Церковномъ Вѣстникѣ» 1891 г., № 35 (29 авг.). Ср. съ этимъ некрологомъ біографическія свѣдѣнія о М. І. Кояловичѣ, по случаю празднованія 35-лѣтія его службы въ прошломъ (1890) году 6 ноября, въ «Церк. Вѣстн.» за 1890 г., № 45 (8 ноября). Въ № 35 «Церк. Вѣстн.» за текущій годъ, вѣсть съ некрологомъ М. І-ча, помѣщены и надгробныя рѣчи, сказанныя его сослуживцами, слушателями и почитателями, прекрасно характеризующія его какъ профессора, общественнаго дѣятеля и челоѣка (см. напр. рѣчь преосв. Антонія, ректора академіи, и др.). См. также тщательно написанный г. Бершадскимъ некрологъ М. І. Кояловича въ «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1891 г., октябрь; въ «Варшавскомъ Дневникѣ» № 190 (отъ 27 авг. 1891 г.) статью проф. И. П. Филевича; и въ др. изд.

го спеціального біографа. Матеріаломъ же для его біографіи могутъ служить не только многочисленные печатные труды Михаила Іосифовича, но и оставшаяся послѣ него весьма любопытная переписка его съ разными общественными, литературными дѣятелями и людьми науки (особенно обращаетъ на себя вниманіе его переписка съ различными дѣятелями въ западно-русскомъ краѣ, начиная главнымъ образомъ со времени польской смуты 1863 г. и до послѣднихъ дней жизни). Я пользуюсь частности любезно предоставленною мнѣ наслѣдниками-сыновьями покойнаго Михаила Іосифовича перепискою его съ И. С. Аксаковымъ, въ изданіяхъ котораго — кстати замѣтимъ — принималъ дѣятельное участіе покойный Михаилъ Іосифовичъ (особ. въ газ. «День» и др.).

М. І. Кояловичъ родился въ мѣстечкѣ Кузницѣ, гродненской губерніи, въ 1828 году. Отецъ его — священникъ, почти товарищъ по виленской академіи (моложе курсомъ) приснопамятнаго митрополита литовскаго Іосифа Сѣмашко. Время и мѣсто, гдѣ онъ родился, среда, въ которой онъ началъ свое сознательное дѣтство, — все это налагало особый отпечатокъ на его воспримчивую душу: подавленіе русскаго элемента въ краѣ польскимъ, шляхетско-панскимъ съ одной стороны, а съ другой и начавшееся возбуденіе и подъемъ русскаго народнаго духа чрезъ воссоединеніе униатовъ и др., — все это отражалось на его впечатлительной душѣ и опредѣляло отчасти дальнѣйшее направленіе его жизнедѣятельности.

Начавъ свое образованіе съ духовнаго училища (въ 1841 году), продолживъ его въ духовной семинаріи (1845—51 гг.) и завершивъ въ С.-Петербургской духовной академіи въ 1855 г., онъ послѣ этого выступаетъ опредѣленно съ тѣми идеалами, которые постепенно уяснялись у него въ періодъ его школьнаго образованія и практическое осуществленіе которыхъ обусловливалось теперь степенью ихъ научнаго обоснованія и сознаниемъ нравственной ихъ цѣлесообразности. Такъ, чрезъ годъ по окончаніи курса въ академіи, Михаилъ Іосифовичъ пишетъ къ одному изъ своихъ дальнихъ родственниковъ ³⁾ между прочимъ слѣдующее воспоминаніе о своемъ студенчествѣ: «Вамъ, вѣроятно, извѣстно, что студенты академій нашихъ въ послѣднемъ году своего образованія, т. е. въ четвертомъ, пишутъ курсовыя сочиненія на степени. Обращаю ваше вниманіе на это потому, что избранная мною тема для этого сочиненія рѣшила мою участь, кажется, окончательно, навсегда. Писалъ я, именно, о давно задуманномъ, близкомъ и родномъ моему сердцу—какъ литовца,—писалъ исторію уніи въ Литвѣ. Громадность этого предмета, живѣйшій интересъ и совершенная неразработка его ни въ Россіи, ни въ Польшѣ, пробудили во мнѣ всю энергію къ трудамъ, къ какой

---

³⁾ Это—никто Ярославъ Михайловичъ Онацевичъ, «умный и хорошій человекъ», замѣчаетъ М. І-чъ на копіи своего письма. «не отставшій однако отъ полонизма». Копія этого письма (безъ конца) также любезно предоставлена мнѣ наследниками-сыновьями покойнаго М. І-ча.

только я былъ способенъ. Ближайшее знакомство съ предметомъ, открытые новые факты и взгляды при помощи богатѣйшихъ, никѣмъ не тронутыхъ источниковъ, хранящихся въ Императорской публичной библиотекѣ, приводили меня въ паеосъ. Я думалъ весь этотъ годъ только объ униі, дышалъ ею и грезилъ объ ней во снѣ. Она стала для меня любимѣйшимъ занятіемъ, лучшею пищею ума и тогда-то я рѣшилъ окончательно посвятить лучшіе годы своей жизни этому труду и для этого во что бы то ни стало остаться на службѣ въ Петербургѣ вблизи ко всеѣмъ ученымъ средствамъ... Жизнь ученая, при какой бы то ни было обстановкѣ и въ какой бы то ни было оболочкѣ, если такъ выразиться, представлялась мнѣ въ самыхъ радужныхъ цвѣтахъ и въ ней-то сосредоточивались все мои стремленія». Такъ писалъ Михаилъ Іосифовичъ въ 1856 году, когда уже намѣчался, или точнѣе, намѣченъ былъ для него путь ученой карьеры ⁴⁾. Но еще ранѣе, непосредственно по окончаніи академическаго курса, послѣ нѣкоторыхъ испытанныхъ имъ неудачъ при отысканіи себѣ соответствующихъ занятій ⁵⁾, онъ

⁴⁾ Ибо въ копіи имѣющагося у меня письма къ Онацевичу М. І-чъ упоминаетъ уже о предложеніи ему со стороны ректора академіи академической каедры.

⁵⁾ Въ томъ же письмѣ къ Онацевичу М. І-чъ указываетъ напр., на неудачу переговоровъ съ оберъ-гофмаршаломъ двора Его Императорскаго Величества Олсуфьевымъ относительно поступленія въ преподаватели и гувернеры къ 12-лѣтнему его сыну; и о другихъ неудачахъ.

писалъ между прочимъ: «какъ трудно разгадать свою участь, какъ трудно развязать этотъ гордіевъ узелъ! Тысяча мыслей, плановъ переплетаются между собою въ какой-то хаосъ, въ которомъ изрѣдка блеснетъ свѣтлый лучъ, вливающій отраду въ душу. Куда кинуться среди этихъ запутанныхъ обстоятельствъ, гдѣ путь моей жизни, путь къ счастливому будущему, къ тому состоянію, которое бы принесло мнѣ радостное сознаніе, что я стою на видной, благородной ступени въ общественной жизни и живу и тружусь не напрасно, сообразно съ настроеніемъ, требованіями души и обязанностями? Какъ добиться рѣшенія тѣхъ задачъ жизни, которыя я соблюлъ въ душѣ своей, какъ завѣтную святыню, какъ лучшую разработку моихъ мыслей, и рѣшился беречь, проводить невредимо сквозь всѣ затрудненія и преграды! Задушевные, взлелѣянные такъ заботливо мысли и планы! Васъ ожидаетъ пробный камень и конечно не одинъ! Странныя обстоятельства, странна жизнь человѣка! Вотъ, человѣкъ составитъ себѣ тѣ или другія затѣи. Думаешь, ломаешь голову, какъ привести ихъ въ исполненіе. Летитъ прочь покой, развлеченіе и сладкій сонъ. Думаешь, соображаешь, и нѣтъ конца безконечной нити соображеній, предположеній, заключеній, рѣшеній и надеждъ! Вдругъ одно неожиданное обстоятельство, и вся головоломная работа упрощается, какъ Богъ вѣсть что. Дивный урокъ самоувѣренной душѣ! Промыслъ Всевышній, кажется, такъ и говоритъ ей: не хлопочи слишкомъ, не бери на себя

больше, чѣмъ сколько слѣдуетъ, сама не рѣшишь своей участи собственными силами, стараясь и трудясь надъ собою сама, предоставь съ покорностью Богу для рѣшенія долю въ твоей участи, въ твоёмъ будущемъ! Онъ лучше тебя знаетъ, что тебѣ нужно и какая доля слѣдуетъ тебѣ! Испыталь я надъ собою этотъ урокъ самымъ ощутительнымъ образомъ. Вотъ оканчиваль я курсъ наукъ. Жизнь души моей составляли три идеи: отблагодарить родину за жизнь и воспитаніе учеными трудами въ исторіи уніи, быть опорой матери и искать семейнаго счастья... Для осуществленія этихъ цѣлей необходимо остаться въ Петербургѣ. Въ другомъ мѣстѣ—гробъ для той, другой или третьей идеи. Богъ видитъ мою душу, что это не фантазія, не пустое пристрастіе къ столичному шуму и разнообразію жизни, а серьезныя причины, золотыя, благородныя узы, которыя привлекають меня къ Петербургу. Но куда дѣться съ этими идеями, какъ подладить къ нимъ обстоятельства, гдѣ найти для нихъ уютный уголокъ, гдѣ бы можно было ихъ пригрѣть и пр.»⁶⁾ Вотъ, слѣдовательно, съ какихъ поръ ясно опредѣлился тотъ планъ жизнедѣятельности Михаила Іосифовича, который намѣчался и впечатлѣніями его дѣтства, и природными дарованіями, и школьнымъ образованіемъ—въ особенности въ высшемъ духовно-

⁶⁾ Заимствовано изъ собственноручной записи М. І-ча, писанной имъ 15 августа 1855 г. и представляющей какъ бы жизненный завѣтъ самому себѣ при вступленіи въ общественную жизнь и на службу.

учебномъ заведеніи — въ духовной академіи. Но, однако, не сразу по окончаніи курса ему пришлось приступить къ осуществленію своего плана: назначенный сперва въ преподаватели духовной семинаріи въ Ригу, скоро переведенный на ту же должность въ Петербургъ, онъ, естественно, не могъ пока сосредоточить всѣхъ своихъ заботъ и вниманія вокругъ завѣтныхъ своихъ идей; только со времени своего поступленія на службу при академіи сперва на кафедре сравнительнаго богословія и русскаго раскола, а затѣмъ вскорѣ — на кафедре русской исторіи (гражданской и церковной)⁷⁾, начинается та пора въ жизни М. І-ча, къ которой ранѣе стремилась полная энергія, сила и благородныхъ порывовъ его душа. Отсюда начинается его профессорская дѣятельность, съ которою неразрывно связаны его многочисленные ученые труды и занятія, а также и его общественная дѣятельность, тѣсно соприкасавшаяся въ частности съ жизнію, существованіемъ нашего Общества и направленная нерѣдко къ выясненію его задачъ и дѣйствій въ тѣ или другіе моменты его существованія.

Не моя задача характеризовать здѣсь профессорскую дѣятельность М. І-ча⁸⁾; вѣтъ времени подробно ис-

---

⁷⁾ До 1869 г. М. І-чъ преподавалъ въ академіи обѣ половины русской исторіи, т. е. русскую церковную исторію и гражданскую; а съ 1869 г., вслѣдствіе раздѣленія этихъ двухъ половинъ и приуроченія каждой изъ нихъ къ особой самостоятельной кафедрѣ, занималъ кафедру русской гражданской исторіи вплоть до самой кончины.

⁸⁾ Въ этомъ отношеніи не лишень интереса по искренности

числять его многочисленные ученые труды. Укажу только главнѣйшіе, для нагляднаго представленія о тѣхъ научныхъ интересахъ М. І-ча, которые, безспорно, имѣли важное жизненное значеніе и по отношенію къ нашему Обществу. Ибо не разъ самъ М. І-чъ высказывалъ, что приведеніе въ порядокъ нашихъ западно-русскихъ дѣлъ и вообще отношеній на нашей юго-западной окраинѣ, служившихъ—кстати—главнѣйшимъ предметомъ его изученія, должно отразиться благотворнымъ образомъ и на дѣлахъ и взаимоотношеніяхъ общеславянскихъ, составляющихъ существенный предметъ вниманія и попеченія нашего Общества.

и правдивости чувства адресъ студентовъ-слушателей М. І-ча, поднесенный ему въ день исполнявшагося 35-лѣтія его службы 6 ноября 1890 г. «Ваши лекціи,—писали между прочимъ студенты, обращаясь къ М. І-чу,—заставляли насъ съ живымъ интересомъ вникать въ событія родной исторіи, видѣть поражающую мощь и доблесть русскаго народа и его замѣчательныя вѣдательно государственныя способности и тѣмъ научили насъ сознать себя русскими людьми, обязанными цѣнить все хорошее русское, относясь вмѣстѣ съ тѣмъ безпристрастно и къ плодамъ европейской цивилизаціи. Представляя въ дѣлахъ лучшихъ русскихъ людей живую исторію русскаго народнаго самосознанія, вы стремились образовать въ насъ просвѣщенный взглядъ на историческія судьбы родной земли, чтобы тѣмъ побудить сознательно проводить въ жизнь народныя начала и отстаивать русское дѣло. И въ этомъ отношеніи вы дали намъ превосходный образецъ: и въ профессоръ-теоретикъ и въ практическомъ дѣятелѣ въ васъ былъ всегда виденъ одинъ и тотъ же истинно русскій человекъ, неуклонно проводящій и твердо отстаивающій основные принципы русской исторической жизни—православіе и народность». Полный текстъ адреса напечатанъ въ «Церк. Вѣстн.» 1890, № 45.

Такъ, въ 1859 году М. І-чъ напечаталъ первый томъ своей магистерской диссертациі «Литовская церковная унія», а въ 1862 году—второй томъ того же сочиненія. Въ томъ же 1862 г. напечаталъ «Лекціи о западно-русскихъ братствахъ», печатавшіяся въ изд. И. С. Аксакова «День». Въ 1864 г. онъ напечаталъ «Лекціи по исторіи западной Россіи», перепечатанныя потомъ въ 1883—4 гг. 2-мъ, 3-мъ и 4-мъ изданіями съ приложеніемъ этнографической карты. Въ 1865 г., по порученію Археографической комиссіи, изданы имъ «Документы, объясняющіе исторію западной Россіи и ея отношенія къ восточной Россіи и къ Польшѣ»—съ переводомъ на французскій языкъ. Въ 1867 г., по порученію Академіи Наукъ, издана имъ «Лѣтопись осады Пскова Стефаномъ Баторіемъ». Черезъ два года, въ 1869 г., по порученію Археографической комиссіи, изданъ «Дневникъ Люблинскаго сейма 1569 г.»—съ переводомъ на русскій языкъ. Въ 1872 году, по порученію той же комиссіи, изданъ имъ 1-й томъ «Русской исторической библиотеки»—съ переводомъ заключающихся здѣсь дневниковъ смутнаго времени на русскій языкъ. А въ 1873 году онъ напечаталъ свое докторское сочиненіе «Исторія воссоединенія западно-русскихъ уніатовъ старыхъ временъ (до 1800 г.)». Въ слѣдующемъ 1874 г., по порученію Археографической комиссіи, имъ издана была вторая половина выпуска Макарьевскихъ четвѣхъ-миней (октябрь съ 4 по 19 число), а въ 1880 г. изданъ конецъ октября съ 19 по 31 число, съ необходимыми сличеніями текста съ

греческими и латинскими подлинниками и съ болѣе древними русскими рукописями бібліотеки С.-Петербургской духовной академіи. Въ томъ же 1880 г. онъ напечаталъ свою актовую (произнесенную на годовичномъ актѣ въ духовной академіи) рѣчь «Три подъема русскаго народнаго духа для спасенія русской государственности въ смутныя времена» (въ Христ. Чит. за этотъ годъ и отд. изд.). А черезъ четыре года, именно въ 1884 г., Михаилъ Іосифовичъ издаетъ свой обширный (часть своего курса по русской исторіи) трудъ «Исторія русскаго самосознанія по историческимъ памятникамъ и научнымъ сочиненіямъ» (IX и 592 стр.), который составляетъ какъ бы завершительное слово многолѣтней профессорской дѣятельности и полнаго научнаго міросозерцанія, какое проводилъ покойный и въ своихъ ученыхъ трудахъ, и въ публицистическихъ статьяхъ, а также и въ рѣчахъ, говоренныхъ имъ неоднократно при различныхъ случаяхъ въ нашихъ общихъ и торжественныхъ собраніяхъ. Въ предисловіи къ своему труду, Михаилъ Іосифовичъ, опредѣляя направленіе, которому онъ слѣдовалъ и слѣдуетъ въ своей научной дѣятельности, говоритъ между прочимъ, что, такъ какъ «въ исторіи область объективныхъ истинъ весьма не велика, а все остальное субъективно и неизбѣжно субъективно, нерѣдко даже въ области простѣйшихъ голыхъ фактовъ...», то онъ слѣдовалъ такому субъективизму, который больше всѣхъ другихъ «обнимаетъ фактическую часть русской исторіи и лучше другихъ освѣщаетъ дѣйствительныя и существенныя

ея стороны. Такой русскій субъективизмъ я находилъ и нахожу въ сочиненіяхъ такъ называемыхъ славянофиловъ. Онъ лучше другихъ, и въ народномъ, и въ научномъ смыслѣ, и даже въ смыслѣ возможно правильнаго пониманія и усвоенія общечеловѣческой цивилизаціи. Сказавъ это о субъективизмѣ такъ называемыхъ славянофиловъ, я этимъ самымъ обозначаю и свой собственный субъективизмъ» (стр. IX), къ которому пришелъ—говоря его же словами— «не только по указанію русскаго чувства, но и по научнымъ требованіямъ» (стр. VI). Съ точки зрѣнія этого «субъективизма», научно обоснованнаго, онъ и предъ своими слушателями въ аудиторіи блестяще излагалъ курсъ чтеній по русской исторіи⁹⁾, и въ своихъ печатныхъ трудахъ научно освѣщаль вопросы науки, служившіе предметомъ его изслѣдованій и многочисленныхъ статей, а также безбоязненно и смѣло высказывалъ его въ своихъ публичныхъ рѣчахъ, и пр. Въ данномъ случаѣ, конечно, нѣтъ возможности доказывать все это подробными выписками изъ различныхъ его сочиненій и статей; но нельзя однако не привести хоть нѣкоторыхъ сужденій и тѣхъ данныхъ, которыя освѣщаютъ характеръ научно-литературной дѣятельности М. І-ча и въ частности—отношеніе его къ цѣли и задачамъ Славянскаго Общества.

Какъ видно изъ перечня главнѣйшихъ ученыхъ

⁹⁾ Для подтвержденія этого можно опять сослаться на адресъ слушателей—студентовъ, поднесенный ему въ день исполнившагося 35-лѣтія его службы.

трудоу М. І-ча, вниманіе его по преимуществу обращено было на изученіе исторіи западно-русскаго края, и въ этомъ отношеніи его самостоятельныя ученныя работы и изданія прояснили въ первый разъ такія стороны въ исторической жизни края, которыя до того времени не были такъ полно и ясно освѣщены. Въ своихъ работахъ о «Литовской церковной уніи», въ лекціяхъ о «западно-русскихъ братствахъ» и «по исторіи западной Россіи» онъ показалъ между прочимъ въ высшихъ преимущественно слояхъ западно-русскаго общества паденіе, а въ извѣстной части народа—живучесть тѣхъ началъ жизни, противъ которыхъ неустанно боролась сосѣдняя и потомъ господствовавшая здѣсь нѣкогда Польша, постоянно стремившаяся къ осуществленію своихъ притязаній на этнографическую часть Русской земли, а въ упомянутыхъ изданіяхъ по исторіи западной Россіи («Документы, объясняющіе исторію западной Россіи и ея отношеніе къ восточной Россіи и къ Польшѣ», «Лѣтопись осады Пскова Стефаномъ Баторіемъ», «Дневникъ Люблинскаго сейма 1569 г.») онъ нашелъ ясное подтвержденіе и разъясненіе той мысли, что, несмотря на провозглашенное соединеніе Литвы и Польши 1386 г. Ягайломъ и несмотря даже на Люблинскую политическую унію 1569 г., это соединеніе не могло проникнуть въ глубь мѣстной русско-народной жизни¹⁰⁾. Правда, Брестская церковная унія (1596 г.),

¹⁰⁾ «Ж. М. Н. Просв.» 1891, окт.

сопровождаясь отторженіемъ отъ праотеческой вѣры высшихъ классовъ литовско-русскаго общества и даже значительной части народа, говорить объ успѣхахъ этого соединенія. Въ своемъ трудѣ о «Литовской церковной уніи» Михаилъ Іосифовичъ и показываетъ процессъ латинизаціи и полонизаціи края; но въ другомъ своемъ ученомъ трудѣ «Исторія воссоединенія западно-русскихъ уніатовъ старыхъ временъ» онъ представляетъ какъ бы процессъ возрожденія подавленнаго старо-русскаго начала, восстановленія поправленныхъ правъ, что однако еще полнѣе выразилось уже въ настоящемъ столѣтіи послѣ воссоединенія уніатовъ въ 1839 году. Но начатый трудъ по исторіи воссоединенія уніатовъ не доведенъ до этого времени, хотя отдѣльныя эпизодическія работы въ этомъ отношеніи продолжены и отчасти напечатаны, какъ напимѣръ: «Разборъ соч. П. І. Бобровскаго «Русская греко-уніатская церковь въ царствованіе императора Александра І. Историческое изслѣдованіе по архивнымъ документамъ и указаніе на основаніи архивныхъ документовъ иной постановки всѣхъ главныхъ уніатскихъ вопросовъ того времени» (Спб., 1890 г.) и нѣкоторыя другія ¹¹⁾. Какъ бы продолженіемъ ученыхъ и издательскихъ трудовъ М. І-ча по исторіи латинизаторскихъ усилій Запада на русской территоріи служатъ печатаемыя имъ (по порученію Археографической комиссіи) тайныя письма іезуитовъ, бывшихъ въ Россіи при Петрѣ Великомъ, но за смертію еще не вышедшія въ свѣтъ.

¹¹⁾ См. ниже указатель разныхъ его статей въ прим. 12—19.

Михаиль Іосифовичъ извѣстенъ не только какъ профессоръ, ученый, обогатившій науку своими научными вкладами, но онъ извѣстенъ и какъ писатель-публицистъ, дѣлившійся съ обществомъ богатствомъ своего научнаго содержанія. Ту и другую дѣятельность онъ совмѣщаль безъ ущерба для какой-нибудь одной изъ нихъ, или точнѣе—онъ выступаль на публицистическую дѣятельность тогда именно, когда вызывали его къ тому или настоятельныя нужды того края, который составляль главнѣйшій предметъ его изученія, или столь же настоятельные интересы популяризаціи своихъ научныхъ свѣдѣній для исправленія господствующихъ въ обществѣ и печати недоразумѣній, или просто — когда находилъ досугъ и свободное отъ научныхъ занятій время и въ тоже время горѣль желаніемъ подѣлиться своими благородными думами съ обществомъ, которое нуждалось въ его словѣ. Поэтому М. І-чъ, будучи кабинетнымъ ученымъ по призванію, выступаль нерѣдко и на общественно-публицистическую дѣятельность. Онъ сотрудничаль во многихъ періодическихъ изданіяхъ: въ «Церковн. Вѣстн.» и «Христ. Чтеніи»¹²⁾

¹²⁾ Указывая въ этомъ и другихъ слѣдующихъ примѣчаніяхъ рядъ статей М. І-ча, напечатанныхъ имъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, мы конечно не претендуемъ на полноту своего списка, который можетъ быть пополненъ еще другими статьями, почему-либо не вошедшими въ настоящій списокъ. Въ «Церковномъ Вѣстникѣ», изд. съ 1875 года, М. І-чъ былъ постояннымъ дѣятельнымъ сотрудникомъ до самой своей кончины.

(издав. при С.-Петербургской духовной академіи),

Въ періодъ съ 1875 г. до 1891 года тамъ были напечатаны имъ напр. слѣдующія статьи: въ 1875 г.—«Возсоединеніе съ православною церковію холмскихъ униатовъ» (№№ 16, 18 и 20), «Новые взгляды на православныя западно-русскія братства» (№ 40); въ 1876 г.—«Новѣйшія извѣстія о дѣлахъ въ холмско-варшавской епархіи» (№ 17); въ 1877 г.—«По поводу извѣстія изъ Праги о принятіи православія Сладковскимъ»; въ 1879 г.—«О почившемъ архіепископѣ Василии Лужинскомъ» (№ 5), «О покойномъ русскомъ историкѣ С. М. Соловьевѣ» (№ 41), «Вопросъ о примиреніи съ Поляками» (№ 48); въ 1880 г.—«Извѣна Варлаама Шпшацкаго, архіепископа моголевскаго» (№ 24), «Куликовская битва и ея значеніе въ исторіи русской государственности и русской церкви» (№ 39), «Глумленіе надъ русскимъ и православнымъ дѣломъ въ западной Россіи» (№ 45), «Свислочкая смута» (№№ 47 и 48); въ 1881 г.—«Въроисповѣдныя обращенія и совращенія въ западной Россіи» (№ 12), «Виленскія раскопки у Пречистенскаго собора по документамъ» (№ 19), «Значеніе латинскаго прославленія нашихъ славянскихъ апостоловъ св. Кирилла и Меодія» (№ 36), «Какъ возстаетъ наше русское общество изъ своего нравственнаго паденія» (№№ 46, 47, 48 и 50); въ 1882 г.—«Воспоминаніе о 19 февраля 1861 г. на лекціи по русской исторіи въ Спб. дух. академіи» (№ 9), «Идеальныя религіозныя требованія и русская религіозная дѣйствительность» (№№ 11—13), «Прежніе взгляды Кулиша на Россію и Польшу, на православіе, унию и латинство» (№№ 21—23), «Разъясненіе папскихъ замысловъ касательно русскаго народа» (№№ 27 и 29), «Церковныя перемѣны въ Галиціи и ихъ значеніе для насъ» (№№ 38 и 39), «Состояніе православнаго духовенства на западной окраинѣ Россіи въ связи съ нѣкоторыми вопросами, касающимися всего русскаго духовенства» (№№ 42—44), «Недуги нашего времени и общественное сознаніе ихъ» (№ 50); въ 1883 г.—«Наши русскія историческія знамена вѣры и народности» (№№ 8, 9, 11, 13 и 14), «Оцѣнка дѣятельности въ западной Россіи гр. М. Н. Муравьева» (№ 22), «Новое положеніе латинскаго духовенства въ Россіи» (№№ 29 и 30), «Наша русская

въ «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣще-

общественность и ея воспитательное вліяніе» (№№ 37, 38 и 39), «Соединеніе церквей восточной и западной въ дѣйствительной жизни униатовъ» (№№ 43, 45, 47 и 50); въ 1884 г.—«Современные вопросы русской наукѣ, особенно духовной» (№№ 10 и 11), «По поводу посѣщенія м. Платономъ латинскаго костела въ м. Коростышевѣ» (№ 32), «Предстоящее (въ 1885 г.) тысячелѣтіе кончины слав. апостола Меѳодія» (№ 49); въ 1885 г.—«Еще о празднованіи тысячелѣтія св. Меѳодія» (№ 5), «Латинопольская ловля русскаго человѣка въ Холмской Руси» (№ 18), «Папское умиротвореніе смущенной совѣсти вѣрующаго» (№ 23); въ 1886 г.—«Нѣсколько словъ объ И. С. Аксаковѣ» (№ 5), «Повѣдка въ западную Россію» (№№ 45—51—2); въ 1887 г.—Продолженіе описанія путешествія (№№ 3—6, 8, 10 и 11), «Современное папство и наше сильное оружіе противъ него въ западной Россіи» (№ 36), «Польскій отзывъ о церковно-славянскомъ богослуженіи въ костелахъ западной Россіи» (№ 38), «Новыя задачи и новыя трудности нашему русскому духовенству» (№ 40), «Естественныя ожиданія отъ папы въ дни его юбилея» (№ 46), «Судьбы русскаго просвѣщенія и русской религіозной жизни на окраинахъ Россіи» (№№ 49 и 50); въ 1888 г.—«Разгадка современнаго кризиса въ папствѣ» (№ 11), «Старое и новое русское пониманіе латинства и отношеній къ нему Россіи» (№№ 16, 19 и 20), «По поводу предстоящаго соглашенія съ Римомъ» (№ 23), «Сила вліянія нашего равноапостольнаго Владимира на латинскій міръ» (№№ 56—38); въ 1889 г.—«Къ предстоящему пятидесятилѣтію воссоединенія западно-русскихъ униатовъ 1839 г.» (№№ 9—13), «Замѣтка М. І. Кояловича объ отвѣтѣ ему П. І. Бобровскаго по вопросу о воссоединеніи униатовъ» (№ 19), «Историческое значеніе воссоединенія съ православною церковью западно-русскихъ униатовъ въ 1839 г. и естественныя особенности празднованія его 50-лѣтія» (№№ 20—22), «Новый вопль изъ Галиціи» (№ 33), «Новый папскій призывъ къ религіозной враждѣ» (№№ 36, 37 и 45), «Исторія проектовъ объ учрежденіи въ Вильнѣ духовной академіи и современная нужда въ ней» (№№ 47—49); въ 1890 г.—

нія» ¹³⁾, въ газетѣ «День» ¹⁴⁾ и др. изданіяхъ

«Замѣтка по поводу проекта г. Струнникова о новой академіи» (№ 1), «Проектъ прав. дух. академіи въ Вильнѣ м. Макарія» (№ 2), «Новыя усилія развѣнчать приснопамятнаго митрополита Іосифа Сѣмашку въ славу и чести» (№№ 11—12), «Привывалъ-ли императоръ Николай I Іосифа Сѣмашку къ православной вѣрѣ» (№ 21) и др.—Въ «Христ. Чтеніи» были напечатаны между прочимъ слѣдующія статьи: «Замѣчанія объ источникахъ для исторіи литовской церковной уніи» (1858 г., ч. II), «Разборъ соч. Верде о началѣ католичества въ Россіи» (1858 г., ч. I); «Объ отношеніяхъ западно-русскихъ православныхъ къ литовско-польскимъ протестантамъ во времена уніи» (1860 г., ч. II); «Борьба уніатскаго митрополита Ипатія Поцѣя съ литовско-русскими православными въ 1599—1613 г.» (1860 г., ч. II); «Двѣ критико-библиографическія статьи (1861 г., ч. II); «О почившемъ митрополитѣ литовскомъ Іосифѣ» (1868 г., ч. II, 1869 г., ч. I); «Церковно-историческій памятникъ изъ временъ перваго раздѣла Польши, съ предисловіемъ М. I. К.» (1872 г., ч. II); «Дѣятельность Георгія Конисскаго послѣ перваго раздѣла Польши» (1873 г., ч. I); «Три подъема русскаго народнаго духа для спасенія нашей государственности во времена самозванческихъ смутъ» (1880 г., ч. I); «Разборъ критики К. Н. Бестужева-Рюмина на соч. М. I. К-ча «Исторія русскаго самосознанія» (1885 г., ч. I).

¹³⁾ Въ «Ж. М. Н. Просв.» напечатаны между прочимъ слѣдующія статьи: Рецензія по поводу 3 тома «Археографическаго сборника документовъ, относящихся къ исторіи сѣверо-западной Руси» (1868 г., ч. 139); «О заслугахъ покойнаго митрополита литовскаго Іосифа въ дѣлѣ русскаго образованія въ западной Россіи» (1868 г., ч. 140); «Трехсотлѣтняя годовщина Люблинской уніи» (1869 г., ч. 143); Рец. на ст. Трачевскаго «Польское безкорольеве и румынская неурядица во 2-й половинѣ XVI в.» (1869 г., ч. 146); рец. на ст. М. Смирнова «Ягелло-Яковъ-Владиславъ и жервое соединеніе Литвы съ Польшею» (1869 г., ч. 146); по поводу «Книги кагала. Матеріалы для изученія еврейскаго быта» и «Описаніе дѣлъ, хранящихся въ архивѣ виленаго ген.-губ.»

покойнаго И. С. Аксакова, въ «Русскомъ Инва-

(1870 г., ч. 152); «О раздѣлахъ Польши» (1871 г., ч. 158); рец. по поводу изданія «Каталогъ древнимъ актовымъ книгамъ губ. вил., гродн., минск. и ков. и пр.» (1872 г., ч. 164); «Просьба жителей западной Малороссіи о принятіи въ русское подданство 1773 г.» (1872 г., ч. 163); «Яковъ Смогоржевскій, полоцкій униатскій архіепископъ, впоследствии униатскій митрополитъ» (1873 г., ч. 165); «Прежнія возрѣвія польскаго писателя Крашевскаго на бывшее литовское княжество, т. е. зап. Россію» (1883 г., ч. 225); рец. «Записки Іосифа митрополита литовскаго» (1884 г., ч. 231); разборъ соч. П. І. Бобровскаго «Русская греко-униатская церковь въ царствованіе императора Александра I» (1890 г., июнь).

¹⁴⁾ Въ газ. (И. С. Аксакова) «День», съ 1861—2 г. напечатаны напр. слѣдующія статьи: въ 1861—2 г. — «Нѣсколько словъ по поводу болгарскаго вопроса. Письмо къ редактору» (№ 6), «Люблинская униа Литвы съ Польшею» (№№ 10—12), «Замѣтки о проектѣ ксендза-іезуита» (№ 20); «Своекоштные студенты и вольнослушатели Спб. духовной академіи» (№ 21), «О западно-русскихъ церковныхъ братствахъ» (№№ 36, 37, 38, 39, 40, 41 и 42), «Свѣдѣнія о современномъ состояніи западно-русскихъ братствъ» (№№ 44 и 45), «Извѣстія изъ Бѣлороссіи» (№ 46); въ 1863 г. — «Письмо къ редактору о братствахъ» (№ 3), «Давайте книги для западно-русскаго народа или бросьте всѣ заботы объ открытіи для него школъ» (№ 6), «Что нужно западной Россіи?» (№ 10), «По поводу указа Сенату 31 марта о дарованіи амнистіи поднявшимъ оружіе противъ правительства въ западныхъ губерніяхъ» (№ 15), «Народное движеніе въ зап. Россіи» (перепеч. изъ «Русскаго Инвалида» № 91), «О разселеніи племенъ западнаго края Россіи» (№ 20), «Встрѣча народности въ западной Россіи съ русскою государственностью и велико-русскою народностью» (№ 23, перепеч. изъ «Русскаго Инвалида» № 117), «Споръ униатовъ съ латинянами». Историческій документъ (№ 26), «Объ отношеніи русскаго общества къ западной Россіи» (№ 27), «Пора собираться домой» (№ 28), «Три мученическія кончины» (№ 29), «Гдѣ наши силы?» (№ 31), «Вѣрноподданничество Поляковъ» (№ 39), «При-

лидѣ»¹⁵⁾, въ «Гражданинѣ» (прежней редакціи 1872 г.)¹⁶⁾, въ «Правдѣ» (изд. 1888—89 года¹⁷⁾),

глашеніе записываться въ церк. братства зап. Россіи (№ 46), «О церк. братствахъ» (№ 52); въ 1864 г.—«О разныхъ недоумѣніяхъ и странныхъ сужденіяхъ по поводу западно-русскихъ братствъ» (№ 8), «Нѣсколько словъ о гр. Д. Н. Блудовѣ: западной Россіи на память» (№ 9), «Лекціи по исторіи западной Россіи» (съ 14 № по 29 № включительно), «Желають быть русскими и православными» (№ 36), «Нужны промыслы, нужны ремесла въ западно-русскомъ народѣ» (№ 46), «О холмскихъ униатахъ» (№ 48), «Замѣтка о матеріалахъ для этнографіи Царства Польскаго» (№ 50); въ 1865 г.—«Настало-ли время мириться съ Поляками?» (№ 1), Разборъ соч. Д. А. Толстого о католицизмѣ въ Россіи (№№ 2, 6 и 18), «Новыя свѣдѣнія о почитаніи новаго лат. мученика Андрея Бобола» (№ 3), По поводу вновь изд. іезуитомъ о. Мартыновымъ соч. Якова Суши о жизни и подвигахъ Иосафата Кунцевича (№ 14), «Какъ устроить нормальное положеніе въ зап. Россіи» (№ 20), газетъ «Голосъ» отвѣтъ по поводу критики «Лекцій по исторіи зап. Россіи» (№ 44), Разъясненіе «Голосу» (№ 49) и др.

¹⁵⁾ «Русскій Инвалидъ» 1863 года (№№ 91, 117). См. въ предъидущемъ примѣчаніи.

¹⁶⁾ Въ «Гражданинѣ» 1872 г. помѣщены напр. слѣд. статьи: «Историческія письма. До татарская Русь» (№№ 1, 3, 6, 13, 14, 18), «По поводу столѣтія со времени перваго раздѣла Польши» (№ 18), «Новая политика польской эмиграціи» (№ 23), «Старокатоличество въ польскомъ мірѣ» (№№ 25 и 27) и др.

¹⁷⁾ Въ «Правдѣ» за 1888—9 гг. М. І-чъ напечаталъ множество статей, изъ которыхъ мы укажемъ напр. слѣдующія: въ 1888 г.—«Къ западной Россіи», статьи по еврейскому вопросу (№№ 2, 36), «Русскіе историки провинились», по поводу изслѣдованія іезуита Пирлинга о бракѣ Іоанна III съ Софіею Палеологъ (№№ 3—8), «О XIV томѣ актовъ виленской Археографической комиссіи» (№№ 9—10), «Чего хочеть отъ насъ западная Европа» (№ 22),

въ «Новомъ Времени»¹⁸⁾, въ «Извѣстіяхъ С.-Петербур-
бургскаго Славянскаго Благотворительнаго Обще-
ства»¹⁹⁾ и др. Почти не было болѣе или менѣе
важнаго событія или вопроса въ общественно-
религіозной жизни нашего юго-западнаго края,
котораго бы не касался Михаилъ Іосифовичъ
въ своихъ разнообразныхъ статьяхъ. Онъ чутко
прислушивался и къ движеніямъ общерусской жизни,
всегда внимательно относился и къ явленіямъ обще-
славянской исторіи и современности. Вездѣ онъ, вос-
питавшись самъ среди борьбы и страданій своей
родины отъ латино-польскихъ притязаній на западно-
русскій край, указывалъ смыслъ этой борьбы—какъ
борьбы за православно-русское, православно-славян-
ское или иначе—греко-славянское культурное начало
противъ завоевательныхъ притязаній латинства и гер-
манизма (вторгавшагося чрезъ Польшу), слѣдовательно
противъ латино-германскихъ началъ западно-европей-
ской жизни. Понявъ это, онъ бодро, даже ревниво
стоялъ на стражѣ русско-славянскихъ народныхъ

«Объ изд. П. Н. Батюшкова «Волынь» (№№ 23—24), «Влади-
мировы дни» (№ 28), «Въ защиту славянофиловъ» (№№ 29—31),
объ «Исторіи Польши» М. Бобржинскаго въ русскомъ переводѣ
(№№ 32—33, №№ 40—48); въ 1889 г.—«Новогоднія замѣтки»
(№ 1), «Русскій народъ, его инородцы и наплывъ иноземцевъ»
(№№ 5—9), «Къ пятидесятилѣтію воссоединенія западно-русскихъ
уніатовъ 1839 года» (№ 12), и мн. др.

¹⁸⁾ Нѣсколько статей напечатано въ «Новомъ Времени», напр.:
«Новыя явленія въ русско-польскомъ вопросѣ» (1880, № 1725 и
1755) и мн. др.

¹⁹⁾ См. выше прим. 1.

интересовъ въ особенности тамъ, гдѣ они были обу-
реваемы прибоемъ волнъ иноземнаго враждебнаго
вліянія. Поэтому неудивительно, что и въ публици-
стическихъ статьяхъ, какъ въ ученыхъ трудахъ, глав-
ное вниманіе свое онъ обращалъ на западно-русскія
дѣла, гдѣ опасность иноземнаго вліянія сказывалась
сильнѣе и замѣтнѣе... Но, при этомъ, онъ не оста-
навливался только на провинціальныхъ интересахъ
края: дорожа нѣкоторыми его особенностями, онъ
тѣсно связывалъ ихъ съ ходомъ общерусской жизни;
онъ былъ горячимъ и убѣжденнымъ поборникомъ
единства русской земли и ея духовныхъ, культур-
ныхъ связей съ родственнымъ заграничнымъ Славян-
ствомъ. Такъ, когда въ 1861 г. на приглашеніе И. С.
Аксакова ²⁰⁾ сотрудничать въ его газ. «День» Ми-

²⁰⁾ Это приглашеніе было сдѣлано въ письмѣ отъ 13 сент.
1861 г. Въ виду важности и общаго интереса этого письма для
характеристики того литературнаго направленія, съ которымъ
приходилось теперь ближе стать покойному М. Г-чу, мы позволимъ
себѣ привести въ цѣломъ письмѣ къ нему И. С. Аксакова. «М. Г.
М. Г-чъ! В. И. Ламанскій подалъ мнѣ,—писаль И. С чѣ,—приятную
надежду имѣть васъ сотрудникомъ. Не будучи знакомъ съ вами
лично, хотя и коротко знакомъ съ вашими сочиненіями, я не
рѣшался обратиться къ вамъ прямо съ предложеніемъ принять
участіе въ моемъ изданіи, тѣмъ болѣе, что настоящая программа
моя, гдѣ объяснялось направленіе газеты, осталась не напечатан-
ною. Тѣмъ болѣе радъ я обязательному посредничеству Ламан-
скаго, давшему мнѣ возможность стать съ вами въ прямые отно-
шенія. Я нисколько не намѣренъ стѣснять васъ въ выборѣ предмета,
но желаю однако же откровенно объяснить, какой именно помощи
жду я отъ васъ въ настоящую минуту, — или, вѣрнѣе, какой
именно темный вопросъ требуетъ если не разрѣшенія, то освѣще-

хаиль Іосифовичъ отвѣтилъ согласіемъ, И. С-чъ (отъ 22 сентября 1861 г.) писалъ ему между прочимъ: «Вотъ ужъ для одного этого стоитъ издавать газету, чтобы дать въ ней мѣсто свободному голосу двухъ-трехъ людей, какъ вы! Мнѣ некогда очень много писать, но мнѣ хотѣлось только выразить ту истинную душевную отраду, которую мнѣ доставило ваше горячее письмо, и передать вамъ, что я вполнѣ и всѣмъ сердцемъ вамъ сочувствую. Вы увидите,

нія отъ вашихъ знаній и дарованій.—Для насъ теперь всего важнѣе вопросъ Польскій, и именно вопросъ о границахъ польскихъ. Я уже давно, года три тому назадъ, хотѣлъ поднять этотъ вопросъ въ литературѣ, съ тѣмъ, чтобы полюбовно размежеваться съ Поляками (въ области литературы), но тогда мнѣ это не удалось. Думаю, что теперь удастся. Отношеніе Литвы и Бѣлоруссіи къ Польшѣ можетъ быть настоящимъ образомъ опредѣлено только помощью историческихъ, статистическихъ и этнографическихъ данныхъ. Русская такъ называемая образованная публика отличается совершеннымъ невѣжествомъ во всемъ, что не заключается въ учебникахъ историческихъ Вебера или въ географіи Бальби и Риттера, слѣдовательно во всемъ, что касается исторіи и географіи Польши, Литвы, Бѣлой и Червонной Руси и всѣхъ славянскихъ племенъ. А какъ моя газета, со всею искренностію, серьезностію и строгостію убѣжденія, посвящена дѣлу нашего народнаго самосознанія, то содѣйствіе такихъ людей, какъ вы, для нея драгоцѣнно. Вы, можетъ быть, по слухамъ, составили себѣ ложное понятіе о моемъ патриотизмѣ и о славянофильствѣ вообще. Смѣю васъ увѣрить, что мы умѣемъ сочетать любовь и вѣру въ народъ русскій—съ строгимъ и безпристрастнымъ судомъ надъ древнею и современною Русью и способны глядѣть въ лицо истины безъ страха, а потому въ этомъ отношеніи вамъ нечего опасаться».

что подъ знаменемъ и стинной Москвы, какъ представительницы всея Руси, могутъ стать въ братскомъ союзѣ и Великая, и Малая, и Бѣлая, и Червоная, и Черная Русь, и Литва и проч. Вспомните стихи Хомякова къ Россіи:

« ... и всѣ народы
Обнявъ любовію своей,
Скажи имъ тайнство свободы,
Сіянье вѣры имъ пролей!»

Если въ этомъ письмѣ И. С-чъ разъясняетъ свой взглядъ по поводу высказанныхъ вѣроятно нѣкоторыхъ недоумѣній М. І-ча, взглядъ на отношенія «истинной Москвы» къ тѣмъ кореннымъ «особенностямъ Литвы», которыя даютъ ей только «внутреннюю самобытную силу», то въ слѣдующихъ затѣмъ письмахъ онъ уже не имѣетъ повода касаться этихъ вопросовъ, будучи знакомъ съ его основными воззрѣніями изъ его сочиненій, печатавшихся въ «Днѣ» статей и изъ частной ихъ переписки, которая содержитъ въ себѣ разныя подробности относительно присылаемыхъ М. І-чемъ статей и ихъ значенія для тогдашней русской общественной мысли, относительно вообще того широкаго и горячаго участія, какое принимали въ тогдашнемъ положеніи западно-русскаго края М. І-чъ съ одной стороны и И. С-чъ съ другой, и мног. др. Такъ еще въ 1861 г. (отъ 4 ноября), получивъ отъ М. І-ча статью ²¹⁾,

²¹⁾ Не разумѣется-ли здѣсь начало тѣхъ статей («Люблинская унія Литвы съ Польшею»), которыя помѣщались въ газ. «День» (1861—2 гг.) не съ № 7, какъ обѣщала И. С-чъ въ своемъ письмѣ, а съ № 10?

И. С-чъ пишетъ ему: «Не смущайтесь ничѣмъ, дорогой сотрудникъ! Пусть шипитъ злоба и клевета! Пусть вооружается противъ насъ петербургскій псевдолиберализмъ: такъ и быть должно! Плохо бы было, если бы мы его не задѣли за живое! Въ теперешнее хаотическое время нужнѣе, чѣмъ когда-либо, неуклонная вѣрность своему нравственному путеводному началу и безбоязненное ему служеніе. На васъ вскипятъ злобой тысячи человѣкъ, но если вы одинаго отъ малыхъ сихъ спасли и обратили, такъ вы уже совершили цѣлый подвигъ. Вспомните, что вы можете оживить и поднять, возродить духовно цѣлый край! Нѣтъ, крѣпче соединимся вмѣстѣ, во имя всея Россіи, всего русскаго народа...» Вообще И. С-чъ дорожилъ сотрудничествомъ М. І-ча въ своей газетѣ. Такъ, когда въ 1863 году М. І-чъ печаталъ свои статьи въ «Русскомъ Инвалидѣ»²³⁾ и посылалъ нѣкоторыя въ «Московскія Вѣдомости» И. С-чъ (отъ 5 декабря 1863 г.) писалъ ему между прочимъ: «Ваша ревность къ западному краю заставляеть васъ метаться во всѣ стороны и это, подрывая нѣсколько вашъ авторитетъ, нарушая стройность системы, порождая путаницу понятій, отвѣтается вредомъ и самому краю. Больше было бы пользы, еслибъ огонь вашей батареи былъ сосредоточеннѣе, сдержаннѣе, а не разсыпался во всѣ стороны». Поэтому онъ настойчиво просить М. І-ча посылать ему статьи, и, печатая ихъ, неоднократно

²³⁾ См. въ прим. 14 и 15.

имѣлъ случай восторгаться тѣмъ впечатлѣніемъ, какое онѣ производили въ свое время на общественное мнѣніе въ отношеніи къ западно-русскому краю. Такъ, еще въ 1861 году (отъ 22 октября) И. С-чъ писалъ М. І-чу: «Статья ваша ²³⁾ имѣла успѣхъ блистательный и разомъ освѣтила для публики неясный для нея вопросъ отношеній Литвы къ Польшѣ. Рѣшительно всё отъ нея въ восхищеніи. Буду съ нетерпѣніемъ ожидать новой статьи вашей, по прочтеніи вами памятниковъ, изданныхъ Дзялынскимъ» ²⁴⁾. Также и въ 1863 году (отъ 22 апрѣля) И. С-чъ пишетъ М. І-чу, что «статья ваша въ 15 № («Дня») произвела большой эффектъ» ²⁵⁾. Начавшееся при посредствѣ В. И. Ламанскаго знакомство М. І-ча съ И. С. Аксаковымъ продолжалось потомъ во все послѣдующее время, продолжалась между ними и переписка до самой кончины Аксакова ²⁶⁾.

²³⁾ Не разумѣется ли здѣсь критическая статья, напечатанная въ 1 № «Дня» (за 15 октября 1861 года) подъ заглавіемъ: «Кіевская коммиссія для изданія древнихъ грамотъ и актовъ юго-западной Россіи и польскіе патріоты. Нѣмецко-австрійскія тенденціи?»

²⁴⁾ Дневникъ Люблинскаго сейма 1569 г.

²⁵⁾ «По поводу указа Сенату 31 марта о дарованіи амнистіи поднявшимъ оружіе противъ правительства въ западныхъ губерніяхъ». «День» 1863 г., № 15 (15 апрѣля).

²⁶⁾ Сохранившаяся переписка обнимаетъ главнымъ образомъ періодъ времени отъ 1861 по 1865 г. Сохранилось впрочемъ одно письмо отъ 1884 г., въ которомъ И. С-чъ благодаритъ за присланную ему въ даръ М. І-чемъ книгу «Исторія русскаго самосознанія» («это превосходнѣйшій и крайне полезный трудъ») — писалъ И. С-чъ и сообщаетъ о своемъ намѣреніи приостановить на вре-

Знакомство съ Аксаковымъ и сочувствіе издательской дѣятельности послѣдняго, сочувствіе одушевлявшимъ его идеямъ, сблизило М. І-ча и съ другими выдающимися представителями того же направленія Ю. О. Самаринымъ, А. О. Гильфердингомъ и многими друг.), возбудило въ немъ живое стремленіе къ научному уясненію этого направленія. Впрочемъ, это стремленіе сознательно выросло и развивалось у него подъ вліяніемъ тѣхъ научныхъ разысканій, которыя составляли его призваніе, завѣтную мечту съ самой студенческой скамьи. Изученіе историческихъ судьбъ западно-русскаго края выдвигало предъ нимъ вопросы и рѣшенія ихъ въ такой постановкѣ, въ какой они соответствовали «научнымъ требованіямъ», а также указаніямъ истинно-русскаго чувства и истинно-русскихъ и общеславянскихъ интересовъ. М. І-чъ неоднократно указывалъ на эту связь въ дѣятельности нашихъ славянофиловъ въ западномъ краѣ. Такъ напр., въ рѣчи своей, посвященной памяти

изданіе газеты «Русь», а потомъ возобновить ее въ «преображенномъ и усиленномъ видѣ» (т. е. въ видѣ еженедѣльнаго изданія). Последнее письмо (изъ имѣющихся у меня—по крайней мѣрѣ—въ рукахъ) И. С-ча къ М. І-чу писано 15 апрѣля 1885 года (изъ Ялты) по поводу совершившагося чествованія тысячелѣтія со времени блаженной кончины св. Меодія 6 апрѣля 1885 года, причѣмъ И. С-чъ писалъ М. І-чу: «Читаю всѣ ваши рѣчи, и всегда читаю ихъ съ искреннимъ удовольствіемъ и умиленіемъ: такъ неослабно горитъ ваше священное пламя любви къ Руси и къ родинѣ; никакія личныя несчастія и испытанія, никакіе недуги и жестокіе удары судьбы не ослабили вашей энергіи».

Ю. О. Самарина ²⁷⁾, М. І-чъ говорилъ между прочимъ: «Позволю себѣ напомнить дѣла, повидимому совершенно забытыя, русско-польскія, и указать взглядъ Ю. О-ча съ точки зрѣнія одной изъ этихъ окраинъ, которой принадлежу по моему происхожденію и спеціальнымъ моимъ занятіямъ. Не могу забыть того времени, когда я въ первый разъ увидѣлъ нашу знаменитую тріаду—Н. А. Милютина, Ю. О. Самарина и кн. Черкаскаго... когда я увидѣлъ ее у покойнаго гр. Блудова и когда, затѣмъ, мы отправились въ домъ одного изъ ближайшихъ друзей Ю. О-ча—князя Оболенскаго... На меня, тогда только что выступавшаго на поприще общественной дѣятельности, эта славная тріада произвела могущественное, неизгладимое впечатлѣніе. Живо помню и другое время, когда я видѣлъ Ю. О-ча здѣсь же въ Петербургѣ, послѣ возвращенія его изъ Польши, гдѣ онъ изучалъ, съ Н. А. Милютинимъ и княземъ Черкасскимъ, крестьянское дѣло и собиралъ матеріалы для составленія положенія о польскихъ крестьянахъ. Когда я началъ съ нимъ бесѣду о разныхъ западно-русскихъ неудачахъ и недостаточности тамъ русской поддержки, Ю. О-чъ

---

²⁷⁾ Рѣчь эта произнесена была въ общемъ собраніи членовъ С.-Петербургскаго Отдѣла Московскаго Славянскаго Благотворительнаго Комитета 28 марта 1876 года, ср. выше прим. 1; напечатана между прочимъ и въ брошюрѣ «Въ память Юрія Федоровича Самарина. Рѣчи, произнесенныя въ Петербургѣ и въ Москвѣ по поводу его кончины». С.-Петербургъ 1876 года (изданіе Славянскаго Общества).

почти съ жестокостію сказалъ мнѣ, что сами западно-руссѣ виноваты: сами бы они должны были работать и поправлять свои дѣла. Я былъ пораженъ этими словами и готовъ былъ думать, что ему мало извѣстны или даже чужды дѣла западно-русскія; но вскорѣ мнѣ стало ясно, что Ю. Ө-чу не чужды были эти дѣла, а напротивъ, очень близки... онъ возмущался безжизненностью русскіихъ силъ въ западной Россіи; но когда въ этой странѣ оживали эти силы и сказывались въ дѣлахъ, тотъ же Ю. Ө-чъ самъ шелъ къ нимъ на встрѣчу, самъ спѣшилъ ближе ознакомиться съ ними и заѣзжалъ, между прочимъ, ко мнѣ».

При оцѣнкѣ значенія дѣятельности Ю. Ө-ча на окраинахъ, М. І-чъ «обращался между прочимъ къ тому общему, не разъ высказанному и подробно выясненному имъ, взгляду, что направленіе, къ которому принадлежалъ Ю. Ө-чъ, т. е. «славянофильство», давая «жизненное, русское содержаніе, способное привлечь къ себѣ людей», имѣло «самое могущественное и благотворное вліяніе въ западной Россіи». Поэтому неудивительно, что подъ это знамя стекались всѣ лучшія западно-русскія силы, что подъ него сталъ и М. І-чъ съ самыхъ первыхъ лѣтъ своей литературной дѣятельности. Стоя подъ этимъ знаменемъ, вооруженный историческими знаніями и вообще наукою, онъ освѣщалъ прошлую и современную жизнь не одного только западно-русскаго края, но и всей русской земли и даже цѣлаго Славянства. Къ сожалѣнію, теперѣ нѣтъ возможности выяснитъ это подробно, хотя бы изъ того, такъ сказать, свода науч-

ныхъ воззрѣній М. І-ча въ области изучаемой имъ спеціальности, который представляетъ его обширный трудъ: «Исторія русскаго самосознанія». Но мнѣ хотѣлось бы, по крайней мѣрѣ, остановить вниманіе собранія на тѣхъ «рѣчахъ» покойнаго Михаила Іосифовича, которыя онъ произносилъ въ собраніяхъ Славянскаго Общества и которыя, служа выраженіемъ его славянофильскаго міровоззрѣнія, представляютъ данныя для подтвержденія высказанныхъ мыслей (о взглядахъ М. І-ча на движенія общерусской жизни и отношенія общеславянскія). Для этого я остановлюсь на нѣкоторыхъ только рѣчахъ и комментаріяхъ къ нимъ изъ другихъ мѣстъ его статей и сочиненій.

Прежде всего, я остановлюсь на его рѣчи «Историческая живучесть русскаго народа и ея культурныя особенности», сказанной въ засѣданіи Славянскаго Общества 23 января 1883 года ²⁸⁾.

Въ началѣ своей рѣчи М. І-чъ говорилъ: «Въ безконечномъ спорѣ между т. н. у насъ западниками, или поборниками праваго порядка, съ одной стороны, и народниками, самобытниками съ другой постоянно поднимается вопросъ: что самобытно-культурнаго выработало наше русское прошедшее, каковы самобытные идеалы Россіи? и, если судить по той нашей текущей литературѣ, какая больше всего обращается въ массѣ русскихъ читателей, то придется признать, что съ самою большею смѣлостью и самоувѣренностью вопросъ этотъ рѣшается отрица-

²⁸⁾ Рѣчь эта напечатана, см. выше прим. 1, также и отдѣльною брошюрой (28 стр.). Сиб. 1883.

тельно (это и легко дѣлать, не нужно для этого большихъ знаній), а положительное рѣшеніе не дается съ недостаточною ясностью или полнотою, по самому свойству предмета, требующаго большихъ русскихъ знаній и мало удобнаго для легкаго изложенія». М. І-чъ и старается раскрыть въ своей рѣчи «положительное, богатое культурное содержаніе нашего русскаго прошедшаго», указывая «выдающіеся факты объ исторической живучести русскаго народа, какъ одномъ изъ главнѣйшихъ условий прочной культурности», причѣмъ раскрываетъ «степень даровитости народа» и «самыя культурныя явленія и силы нашего прошедшаго».

«Всѣмъ извѣстно, продолжаетъ М. І-чъ, какъ громадно наше отечество по своему пространству и народонаселенію. На пространствѣ слишкомъ четырехъ сотъ тысячъ квадратныхъ миль русскаго государства живетъ по однимъ счисленіямъ около ста милліоновъ, а по новѣйшимъ свѣдѣніямъ, будто бы, даже свыше ста милліоновъ жителей. Всякому очевидно, что только сильный, исторически живучій народъ могъ образовать такія громадныя величины» этотъ «великій историческій трудъ могъ совершить народъ не только исторически живучій, но и даровитый, тѣмъ болѣе, что это не былъ какой-либо азіатскій трудъ, какъ лава быстро и опустошительно разливающаяся и скоро потухающая. Это былъ европейскій трудъ—медленный, упорный и крайне тяжелый...» (стр. 5—6). «Распространяясь на сѣверо-востокъ по нынѣшней Россіи, русскій на-

родъ съ древнѣйшихъ временъ шелъ въ эти огромныя и невѣдомыя тогда для него страны съ своимъ народнымъ, а потомъ и съ христіанскимъ сознаниемъ, что такъ прекрасно для стараго времени и такъ укоризненно для нашего выражено на первыхъ страницахъ нашей древнѣйшей лѣтописи. Лѣтописецъ великолѣпно знаетъ вообще славянскія племена, съ заботливостію замѣчаетъ, что и то и другое изъ русскихъ племенъ Славяне же, и даетъ точный списокъ славянскихъ и не-славянскихъ племенъ русской земли, прибавляя, что первые уже христіане, крещенные во едино крещеніе... (стр. 7) «Подъ этими-то двумя знаменами — сперва народнымъ, а потомъ и христіанскимъ, соединившимися затѣмъ въ единое знамя святой Руси, русскій народъ сохранилъ себя какъ народъ, и развивалъ свои славянскія способности и наклонности» (тамъ же). Затѣмъ М. I.—чь отмѣчаетъ слѣдующія особенныя явленія въ исторической жизни русскаго народа. Это—прежде всего—«любовь его къ земледѣлію и настойчивое стремленіе къ обладанію лучшей землей,—къ обладанію обоими нашими черноземными бассейнами—юго-западнымъ и юго-восточнымъ», и въ этомъ стремленіи «русскій народъ развивалъ культурную форму жизни—земельную общину со сходкой, или русскимъ міромъ,—общину, которая является у него тоже съ древнѣйшихъ временъ и коренилась не на первобытныхъ родственныхъ отношеніяхъ,—родовомъ бытѣ, а на началѣ полюбовнаго соглашенія» (стр. 8). «Вмѣстѣ съ любовью къ земледѣлію, про-

должаеть М. І-чъ, русскій народъ тоже съ древнѣйшихъ временъ обнаруживалъ любовь и способность къ промышленности, торговлѣ, показывалъ замѣчательное умѣнье овладѣвать рѣчными и водными путями и берегами прилегавшихъ къ его землѣ морей» (какъ на примѣръ русская тмутараканская колонія у Керченскаго пролива, походы Русскихъ къ Каспійскому морю въ концѣ IX и въ началѣ X в., новгородская торговля по Балтійскому морю, и мн. др.). И въ торговой жизни, подобно общинѣ въ земледѣльческой, русскій народъ развивалъ ту же культурную форму—вѣчевую форму общественной своей жизни, а при передвиженіяхъ съ одного мѣста на другое онъ выработывалъ разнаго рода дружины: военныя, торговыя, промышленныя, сохранившіяся отчасти въ нашей теперешней артели (стр. 8—9). «Наконецъ, говорилъ М. І-чъ, развивая свою земскую жизнь въ селахъ и городахъ, русскій народъ въ весьма раннее время созналъ необходимость государственнаго строенія, государственной объединяющей власти», выразившейся въ московскомъ единовластномъ царемъ во главѣ» (стр. 9). Этотъ многовѣковой настойчивый, можно даже сказать подвижническій трудъ русскаго народа, обнаружившій въ немъ столько крѣпкихъ силъ и выработавшій столько хорошихъ качествъ (терпѣніе въ строительной государственной работѣ, несмотря на затрудненія, несмотря на жестокости І. Грознаго и «потрясенія», т. е. «преобразованія петровскія», —человѣч-

ность въ отношеніи къ другимъ)—ручательство за будущіе успѣхи Россіи» (стр. 11). Этому росту основнаго русскаго этнографическаго зерна Россіи не могутъ мѣшать другія вошедшія въ него этнографическія группы. Приступая къ разьясненію этого вопроса, М. І-чъ прежде всего спрашиваетъ: «каковы же отношенія къ нимъ (т. е. инородческимъ этнографическимъ группамъ) русской этнографической массы, чѣмъ она ихъ держитъ и въ чемъ историческое, т. е. культурное, оправданіе власти надъ ними этой массы?» Разьясняя эти вопросы, признавая культурныя начала воздѣйствія Россіи на инородцевъ, М. І-чъ выражается между прочимъ: «На всѣхъ важнѣйшихъ нашихъ окраинахъ самою исторіей поставлена русскому народу счастливѣйшая и благороднѣйшая задача—охранять исконное, туземное населеніе отъ пришельцевъ и нерѣдко насильниковъ, и возстановлять въ ихъ отношеніяхъ нравственную правду (напримѣръ въ Финляндіи охранять туземцевъ Финновъ отъ пришельцевъ Шведовъ; въ балт. областяхъ—Эстовъ и Латышей отъ Нѣмцевъ, въ Польшѣ—«простой польскій народъ отъ сдѣлавшихся ему во многомъ чужими польскихъ пановъ и ксендзовъ» и т. д.) (стр. 21). «Не одна историческая случайность дала Россіи такую счастливую и благородную постановку ея отношеній къ инородцамъ—отношеній человѣчнаго уваженія къ законнымъ нуждамъ и благамъ меньшихъ людей, отношеній истиннаго христіанскаго братства» (стр. 22), лежащихъ въ основѣ русской исторической жизни. «Тѣ же на-

чала сказались» въ лучшихъ типахъ русской земельной общины, выразились въ освобожденіи нашихъ крестьянъ съ землею, въ послѣдней нашей восточной войнѣ—въ защитѣ южныхъ Славянъ отъ насильниковъ-Турокъ, «безъ всякихъ видовъ на корыстную награду». Причемъ «наша русская вѣра освящаетъ наши искреннія русскія начала и въ этомъ совпадении величайшее наше историческое счастье и благо» (стр. 23). Все это, естественно, давая внутреннюю силу самой Россіи, привязываетъ къ ней и ея инородцевъ, приобщая ихъ къ внутреннимъ, основнымъ началамъ русской жизни (стр. 26).— Вышеприведенными выдержками изъ прекрасной и поучительной рѣчи М. І-ча (рекомендуемъ ее читать!) не исчерпывается конечно все ея богатое содержаніе; но и изъ приведенныхъ краткихъ извлеченій можно видѣть характеръ того направленія, подъ знаменемъ котораго стоялъ М. І-чъ, глубоко вѣрившій въ «историческую живучесть русскаго народа», несмотря ни на какія временныя испытанія. Причемъ онъ не устанно проповѣдывалъ также о роли цѣлаго Славянства, объединеннаго кирилло-меѳодіевскою идеею, несмотря ни на какія вѣянія въ обществѣ и направленія въ политикѣ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи необходимо, однако, указать нѣкоторыя данныя. Еще, въ началѣ 60 хъ годовъ, въ изд. И. С. Аксакова «День» (1861—2 г., № 6), по повсду возгорѣвшейся тогда греко-болгарской распри, М. І-чъ писалъ редактору: «Ваше сердце сжималось, когда вы читали и печатали въ № 3 (за 22 окт. 1861 г.)

вашей газеты письмо г. Жинзифова о невѣжествѣ Русскихъ по отношенію къ Болгаріи. Сжималось отъ него сердце и у многихъ изъ вашихъ читателей... Нельзя въ самомъ дѣлѣ не почувствовать всей горечи отъ этого неумѣстнаго, непростительнаго невѣжества... И чтобы сколько-нибудь ослабить эту несправедливость, уменьшить это невѣжество, мнѣ кажется, необходимо теперь раскапывать, раскрывать всѣ ихъ проявленія, какъ бы это ни было неприятнымъ намъ Русскимъ и самимъ Болгарамъ». Эту мысль о необходимости знанія различныхъ частей славянскаго міра М. І-чъ постоянно, при всякомъ удобномъ случаѣ, высказывалъ и доказывалъ примѣрами, фактами не только племеннаго родства, но и практической важности славянскаго взаимообщенія. Даже въ одной изъ своихъ рѣчей, произнесенныхъ въ Славянскомъ Обществѣ 6 апр. 1887 г. ²⁹⁾, подвліяніемъ продолжавшейся тогда австрофильской политики Милана въ Сербіи, начавшагося стамбуловскаго террора въ Болгаріи и другихъ неурядиць въ разныхъ частяхъ славянскаго міра, М. І-чъ указывалъ на большую цѣлесообразность въ данный моментъ литературнаго изученія Славянства, чѣмъ на благотворительную дѣятельность: «Намъ, членамъ Славянскаго Общества, говорилъ М. І-чъ, по моему мнѣнію, важнѣе всего теперь заняться выясненіемъ въ нашемъ и славянскомъ сознаніи и старыхъ и новыхъ путей какъ нашего разьединенія, такъ и

²⁹⁾ См. выше прим. 1.

нашего единенія, т. е. въ дѣятельности нашего Славянскаго Общества, по моему мнѣнію, должна преобладать не благотворительная дѣятельность, весьма теперь трудная и малонадежная (о принятыхъ обязательствахъ и необычайныхъ нуждахъ не говорю здѣсь), а дѣятельность ученая и литературная, такъ какъ теперь особенно нужно выяснитъ въ общественномъ сознаніи положеніе и задачи Славянства и ставить противовѣсъ тому умственному культурному завоеванію, какое даже теперь производитъ въ Славянствѣ западная Европа». Но, указывая на предпочтительную важность теоретическаго изученія Славянства, особенно въ данный (т. е. въ 1887 году) неудобный для развитія практическаго славянскаго взаимообщенія моментъ, М. І-чъ связывалъ вообще интересы того и другаго сближенія, указывалъ на практическую важность теоретическаго изученія и напоминалъ не разъ о необходимости болѣе живыхъ славянскихъ связей и даже тѣснаго славянскаго единенія. Объ этомъ единеніи онъ говорилъ обыкновенно съ точки зрѣнія культурной, не вмѣшиваясь въ область политики, онъ говорилъ объ единеніи Славянъ подъ знаменемъ кирилло-меѳодіевской идеи. Такъ, напр., въ достопамятный день 6 апрѣля 1885 года М. І-чъ начиналъ свою рѣчь ³⁰⁾ въ торжественномъ собраніи Славянскаго Общества слѣдующими словами: «Сказывается во всемъ величїи тысячелѣтняя

---

³⁰⁾ См. выше прим. 1.

сила подвиговъ нашихъ славянскихъ апостоловъ. Воскресають въ славянскихъ сердцахъ лучшіе завѣты прожитой тысячелѣтней исторіи и съ ними связываются лучшія задачи нашей современности». При другихъ случаяхъ онъ ближе и частнѣе опредѣляетъ эти «лучшіе завѣты прожитой тысячелѣтней исторіи и лучшія задачи нашей современности». Такъ напр., по поводу извѣстной аппелляціи теперь также уже покойнаго о. І. Г. Наумовича къ папѣ Льву XIII ³¹⁾ и подъ вліяніемъ извѣстнаго галицко-русскаго судебного процесса (1882 г.) по обвиненію лучшихъ галицко-русскихъ дѣятелей въ государственной измѣнѣ, М. І-чъ въ общемъ собраніи Славянскаго Общества (17 ноября 1883) говорилъ между прочимъ ³²⁾: «Мы не можемъ не заботиться объ охраненіи Славянства отъ разрушительныхъ вліяній и не обдумывать средствъ къ восстановленію и поддержанію внутренняго единства между Славянами. Чего же намъ желать и чего ждать въ виду такихъ явленій (т. е. въ виду ближайшимъ образомъ галицко - русскихъ дѣлъ)? Желать и ждать, чтобы всѣ Славяне сдѣлались православными? Да, желать и ждать этого, несмотря ни на что, что бы ни говорили о насъ... Но необходимо признать, что эта перемѣна въ жизни Сла-

³¹⁾ «Аппелляція къ папѣ Льву XIII русскаго униатскаго священника мѣстечка Скалатъ (львовской митрополіи въ Галиціи) Іоанна Наумовича противъ великаго отлученія его отъ церкви по обвиненію въ схизмѣ» (въ переводѣ съ латинскаго подлинника) 1883 г. Ср. выше прим. 1.

³²⁾ См. выше прим. 1.

вянь не можетъ совершиться ни скоро, ни легко; необходимо даже думать, что это крайне трудно осуществимо, а между тѣмъ единеніе Славянъ крайне и настоятельно нужно» ³³⁾.

Однако, М. І-чъ не смущался этими трудностями, вѣрилъ въ святость дѣла и, не колеблясь въ этой вѣрѣ, неизмѣнно призывалъ къ ней, призывалъ къ необходимой для этого неустанной дѣятельности. Такъ напр., когда постигла неудача нашихъ добровольцевъ въ Сербіи и обрушились противъ нихъ и Славянскаго Общества различныя обвиненія со стороны

³³⁾ Въ дѣлѣ духовнаго объединенія Славянъ М. І-чъ возлагалъ твердыя упованія на наше духовенство, ссылаясь напр. на его незабвенныя пастырскія заслуги и дѣла христіанской любви во время прошлой русско-турецкой войны. Говоря о значеніи православія, «того великаго живительнаго славянскаго начала, которое такъ высоко подняло душъ нашего народа въ настоящія времена» (т. е. во время русско-турецкой войны), М. І-чъ писалъ между прочимъ: «нельзя при этомъ не указать, какъ на великое знаменіе времени, на то положеніе, какое занимаетъ наше духовенство въ дѣлѣ... объединенія всѣхъ Славянъ. Когда у насъ началось народное движеніе на помощь южнымъ Славянамъ, то наше духовенство поняло своимъ историческимъ чувствомъ, подобно народу, и своимъ разумѣніемъ, дѣйствительнаго пастырства, что настало великое время православной славянской дѣятельности, и никѣмъ не понуждаемое, заговорило о милосердіи и любви къ ближнему. Всѣ уже теперь знаютъ, что религіозная сторона сильнѣе всего въ отношеніяхъ нашего народа къ южнымъ Славянамъ: кто же теперь можетъ сказать, что наше духовенство не поняло своего дѣла? Оно, очевидно, поняло его лучше другихъ, а со временемъ можетъ быть откроется, что его пониманіе привлечетъ къ намъ и западныхъ Славянъ». См. «Церк. Вѣсти.» 1877, № 4.

нашей лжелиберальной печати, то М. І-чъ въ одной изъ своихъ статей (хотя и по другому случаю—«по поводу извѣстія изъ Праги о принятіи православія Сладковскимъ») писалъ между прочимъ: «у насъ едва ли не вошло въ обычай указывать лишь на дурныя стороны славянскаго оживленія³⁴⁾, причемъ творятся часто волею и неволею весьма нехристіанскія дѣла, позорятся смерть и страданія русскихъ людей, погибшихъ за славянское дѣло, позорятся доблести лучшихъ русскихъ людей, неповинныхъ вовсе въ дурныхъ дѣлахъ своихъ собратьевъ, позорятся лучшія проявленія сердца—сочувствіе и помощь несчастнымъ»³⁵⁾. Затѣмъ, когда, подъ вліяніемъ начавшагося въ Болгаріи стамболовскаго террора, а также и другихъ печальныхъ явленій въ славянскомъ мірѣ, извѣстная часть нашего общества пришла въ уныніе и даже разочарованіе въ великихъ недавно еще совершенныхъ подвигахъ нашего славянскаго братства, М. І-чъ говорилъ опять въ Славянскомъ Обществѣ³⁶⁾: «Идея славянскаго единенія жестоко страдаетъ (какъ это доказываютъ не одни дѣла Болгаріи, Сербіи, дѣла нѣкоторыхъ чешскихъ партій и дѣла Поляковъ всѣхъ государствъ, по которымъ они разбиты)... Наша дѣятельность, какъ Славянскаго Общества, обставлена самыми неблагопріятными условіями и въ другихъ славянскихъ странахъ, и въ нашей собствен-

³⁴⁾ Разрядка принадлежитъ лектору.

³⁵⁾ «Церк. Вѣстн.» 1877, № 4.

³⁶⁾ Ср. выше прим. 1 и 29.

ной—русской странѣ, и я увѣренъ, что всѣмъ намъ, вообще Славянамъ, давно не приходилось взирать съ такимъ смущеніемъ, какъ теперь, на это наше общеславянское знамя (причемъ указано было на хоругвь съ изображеніемъ св. Кирилла и Меодія) и на эти святые лики братьевъ славянскихъ апостоловъ,—этихъ древнѣйшихъ и могущественнѣйшихъ насадителей славянскаго единовѣрія и единомыслія. Но какъ бы ни было велико и сильно теперь славянское смущеніе, оно не должно быть безплоднымъ соболѣзнованіемъ, а должно возбуждать въ нашемъ славянскомъ сознаніи новые лучи, которые бы озаряли наше положеніе, наши задачи и направление наши силы къ плодотворной дѣятельности³⁷⁾. Содѣйствовать всему этому—долгъ каждаго изъ насъ—членовъ Славянскаго Общества и, позволительно надѣяться, долгъ вообще членовъ русскаго общества, сочувствующихъ намъ». И Михаилъ Іосифовичъ не только не отказывался служить этому дѣлу всѣми возможными и зависящими отъ него средствами, но и горячо призывалъ къ нему другихъ, не смущаясь ни нападка ми лжелиберализма нашихъ «европейцевъ», ни равнодушіемъ даже русскаго общества, увлекающагося обыкновенно порывами и удивительно—скоро разочаровывающагося при какихъ-либо, даже временныхъ, нашихъ неудачахъ. Его вдохновляла и освѣ-

³⁷⁾ Газрядка принадлежитъ лектору.

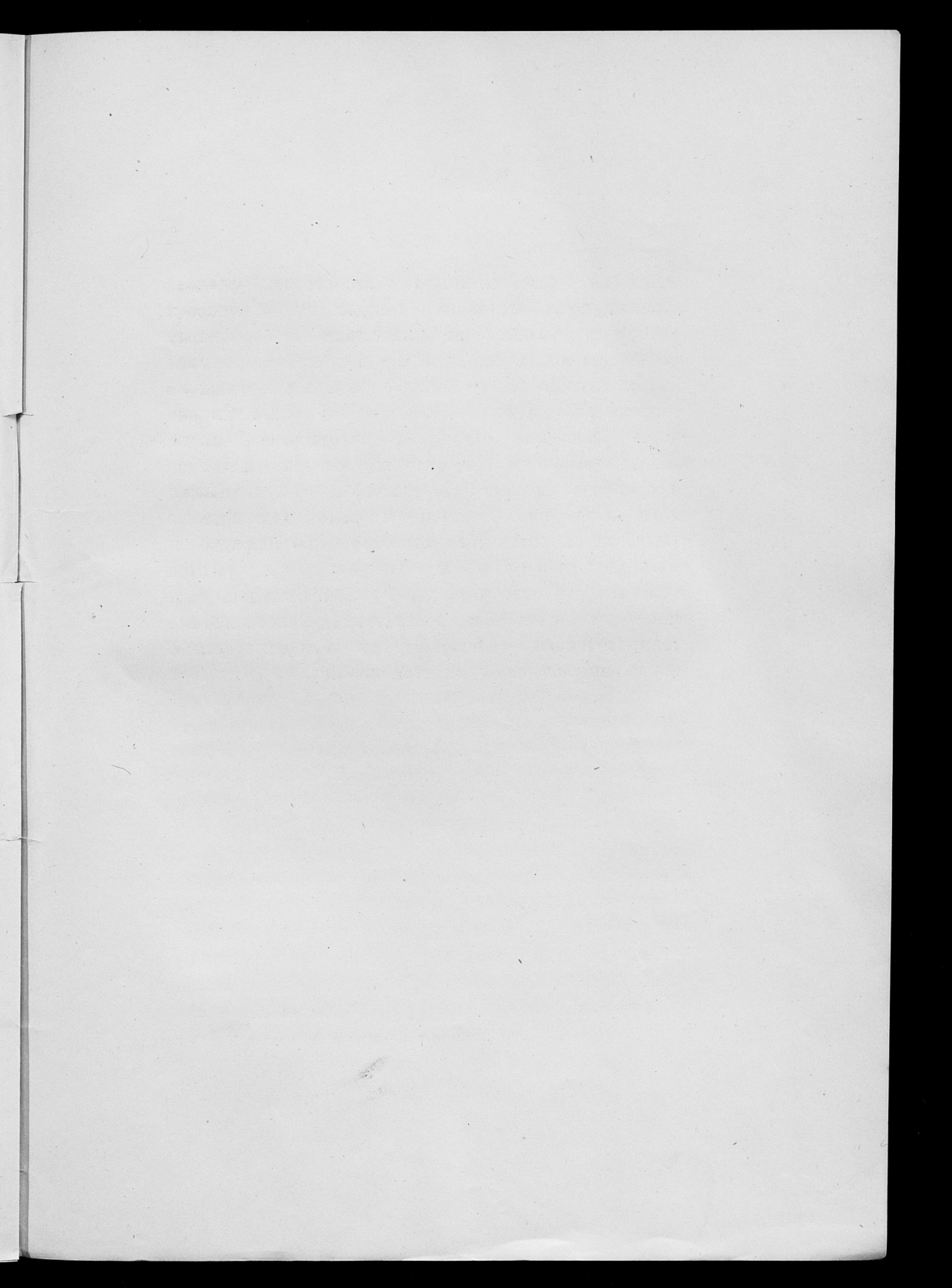
щала ему путь та великая кирилло-меѳодіевская идея, лучшія проявленія которой въ славянской исторіи и современности разрѣшали его недоумѣнія и, не давая мѣста колебаніямъ, питали въ немъ надежду, вѣру въ ея жизненность и несомнѣнную нравственную побѣду, потому онъ и горѣлъ пламеннымъ желаніемъ видѣть ея осуществленіе въ цѣломъ. Славянствѣ. Да будетъ же ему наша нелицемѣрная благодарная память и да возгорается пламень его вѣры и любви къ славянскому дѣлу во всѣхъ славянскихъ сердцахъ; пусть продолжаетъ горѣть и не гаснетъ онъ въ частности въ сердцахъ бывшихъ его многочисленныхъ слушателей въ нашихъ собраніяхъ, которые нѣкогда и неоднократно привѣтствовали восторженно его горячее, убѣжденное славянское слово съ этой кафедрой.

И. П.

Дозволено духовною цензурою. Спб., 20 Декабря, 1891 г.

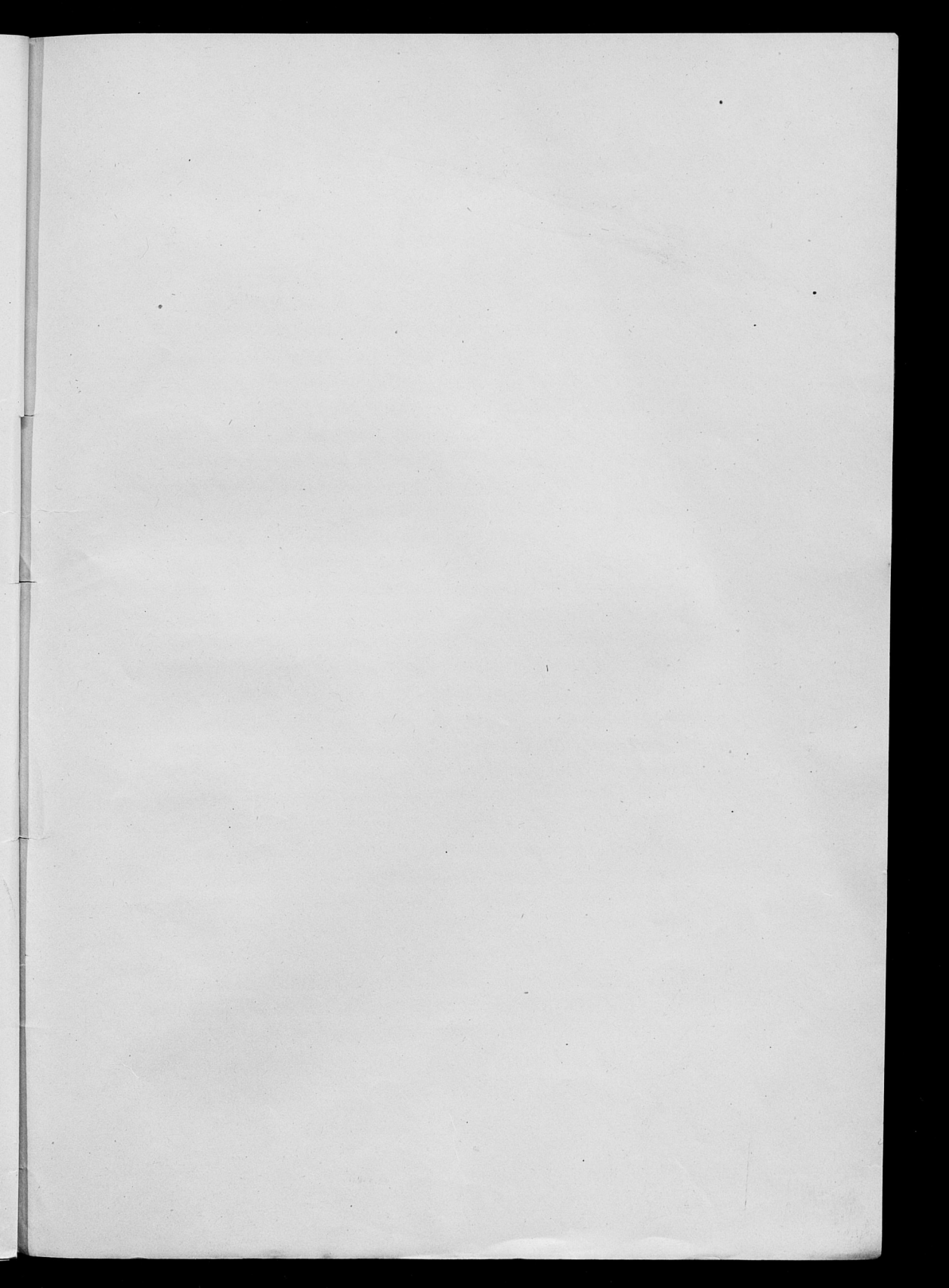
Типографія В. В. Комарова. Невскій, № 136—138.

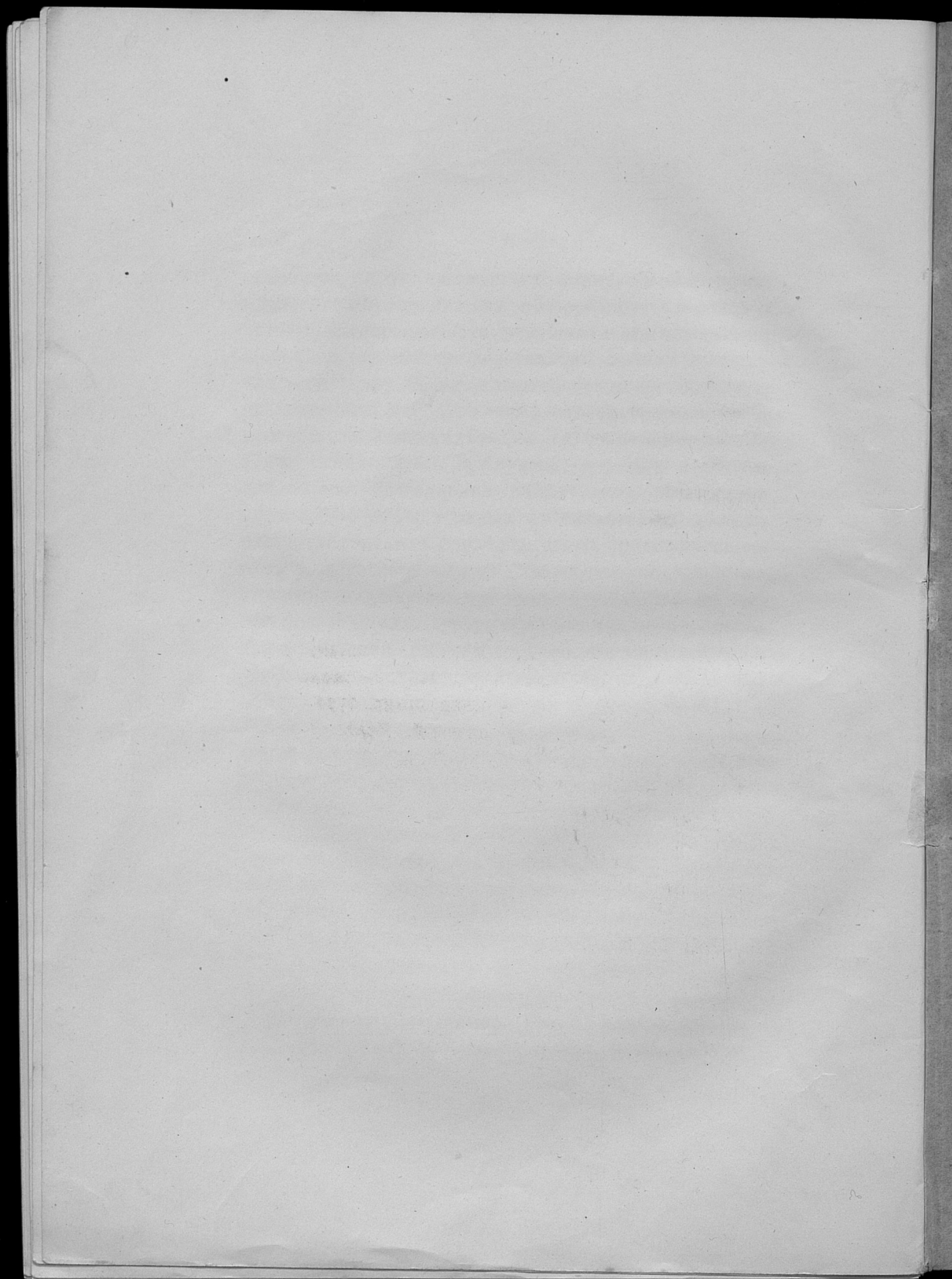

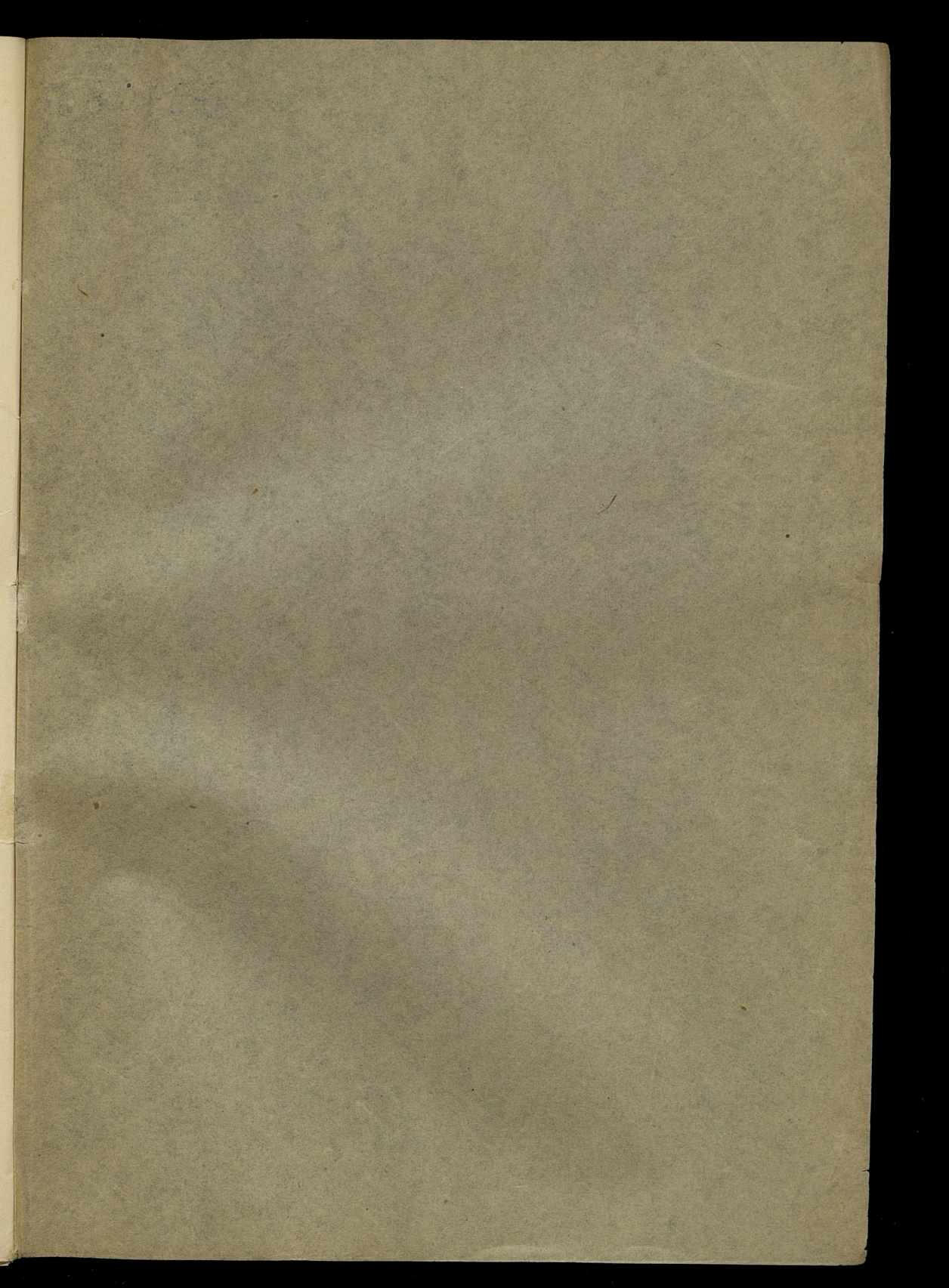
ния ему, куди та великай киража-кожелевская
 востановил проницательной в саксонской
 истории и оскудеваемости ревертала его подумал
 и. да дала жеста колесамъ, пытали въ языкъ
 надежду, кбру въ ея живенности и песоньбалу
 нравственную побѣду, потому оны и горька амань
 рытъ желаніемъ видѣть въ осуществленіи въ цѣ-
 ломъ Славянствѣ. Да будетъ же ему наша не-
 личная благодарная память и да возгораздса
 пламеніи его вѣры и любви къ славянскому хвѣну во
 всѣхъ славянскихъ сердцахъ, пусть продолжатъ го-
 рѣть и въ насъ, въ вѣчности въ сердцахъ
 бывшихъ и многослесахъ, слушавшихъ въ цѣ-
 ломъ собраніи, которыхъ вѣра въ единственна
 истинности восторженно его горюча, воздвиг-
 ное завѣщаніе свое съ этой каторги.

И. И.

0-10

II-37086p